

Женечка любит водить пальчиком по узорным листьям и цветам, нарисованным на клеенке, будто это лабиринт, как с последней странички журнала «Веселые картинки»: помоги мышке добраться до сыра — помоги Женечке пройти по всем линиям — то вверх, то вниз, то спиралью, то зигзагом — будто канатоходец в цирке... Но сегодня на столе вместо клеенки скатерть. Белое полотно. Нитки вдоль. Нитки поперек. Толстые. Ровные. Скучные. Рельсы-рельсы, шпалы-шпалы... Стоп — непроглаженная складка высится горбатой горой...

— Кушай скорее, Женечка, а то опоздаем. Сегодня у тебя занятия по грамоте, музыке, рисованию... Давай-давай, кушай! — звенит мамин голос.

Женечка копает ямки в пшенной рыхлой каше. То впадины, то холмы — не каша, а белесо-зернистый бок луны. Масло янтарно блестит в лунных озерах.

Хлопает дверь, и на пороге — бабушка. Она прижимает к животу зеленую эмалированную миску.

— Понесла в церковь святить, да к вам по пути забежала, а то ведь уедете куда — не застану потом ни разу за целый день ...

Морщинистые бабушкины руки с круглыми костяшками ставят миску на скатерть. В миске — крашенные яички, будто алый цветок с лепестками. Посере-

дине яичко с буквами. Буквы лучатся во все стороны, как бабушкины морщинки.

— Христос воскрес! — Это зашел отец. В рубашке для праздника, той, у которой пуговицы похожи на прозрачные леденцы.

Женечка улыбается отцу, бабушке, яичку, тянется, хватая. То самое, с буквочками. Гладкое и теплое.

— Какие это буквы, Женечка?

Одна буквочка похожа на неправильный, сломанный плюс, а вторая подбоченилась и нога у нее — колесом.

— Давай стукнем! Кто кого на этот раз?!

— Чур носиком!

— Бей, не бойся!

Гладкая скорлупка сминается так, что никогда больше не станет ровной и целой. Женечка отколупывает пальчиком алые кусочки с белыми краями, как чешую неведомой рыбки. Чистит. Под чешуей — белое, мягкое, скользкое, с разводами...

— Посоли.

Мальчик сует палец в соль — налипают прозрачные крупинки, похожие на светлые песчинки на реке, редкие среди обычных, желто-коричневых, они не тают во рту, хрустят на зубах.

— Женечка! Мы же на занятия опоздаем!

— Не подвезете ли тогда меня до церкви, а, Славушка? Я бы и Женечку с собой взяла. В прошлый раз

ему так понравилось, так смотрел на все, так смотрел... Там хорошо, поют, свечечки горят... А вы его опять на хораша потащите. Нужны ему эти занятия? Всего ведь четвертый годок... В школе, небось, потом все равно всему научат...

— Ой, да как же! Раннее развитие — это залог успешности. Если не заложим нужную базу, то неизвестно, что из него вырастет. Сейчас новое время, другое. И не сравнивайте, — морщится мама.

— Ты не видишь, что ли, что твоя Пасха — сплошное темное язычество. Куличи да яички. Культ плодородия, далекий от христианства. Яйца ли надо святить в светлый праздник? Не о том люди думают. Не о молитвах и спасении души, а о ритуалах, о еде. Ни к причастию, ни на исповедь не ходят, креститься забывают — только бегают куличи святить и за водой на Крещение. Темный народ твои верующие. И сердитый, — отец гудит весенним мохнатым шмелем, проснувшись по весне на балконе.

— Так у Бога свои университеты, — улыбается бабушка, морщинки разбегаются солнышком. — Каждому — по способностям его. Это будто божий детский садик. Все яркое, красочное, простое. Как у Женечки. Не заставляют же деток сначала решать уравнения, а предлагают то, что они понять могут и усвоить, чтобы еще раз пришли. Настанет время, они и до главного дойдут, если интерес будет и желание. Сначала куличики, потом — молитвы.

— Уравнения, кстати, — хорошая тренировка для структурного мышления. — Мама убирает со стола посуду, торопится, звенят стаканы...

Бабушка прячет руки в голубой передник с алыми розами, долго смотрит в окно. Там кусты сирени с молодыми нежно-зелеными листочками. Каждый листочек похож на сердечко.

Класс светлый, а коридор за дверью темный, там ждет мама.

Женечка сидит на маленьком стульчике, локоточки — ровненько по столу. Сердитая тетя стучит указкой о доску, показывает буквы.

— Это «эн», повторите, дети, — «эн»...

— Эн-н-н, — мычат ребятки.

Не отпустили Женечку с бабушкой в церковь. И он видит не белые полоски мела на черном фоне, а перекладины в разноцветном храмовом окне, они так похожи на эту букву. И свет через такое окно летит тоже разноцветный — желтый, зеленый, фиолетовый... Женечка угадывает в буквах то золото подсвечников, то огонек свечи, то узоры мозаики на полу. В церкви у каждого человека — где-то очень высоко, почти на небе, — светлое лицо. Откуда-то сверху, с расписанного фресками потолка, падают молитвы и песни, похожие на облепиховое варенье из звука и света. Там

можно просто быть. И все. Жить вместе с другими. Подпалить на огоньке чужой свечки донышко своей, чтобы оно размягчилось, втыкать в особенную подставочку и смотреть, как оживает темный лик на иконе, кивает ласково:

— Здравствуй, Женечка. Хорошо, что пришел.

Дотрагиваться до своего твердого лба, мягкого живота, неугомонных плеч — бабушка, какое сперва? Не спеша отходить со всеми за какую-то незримую черту, когда идет красивый бородатый человек и машет ароматным дымом. И чувствовать, что он — Женечка — не один. Его любят и принимают. И ему для этого не нужно учить буквы, рисовать дома и деревья не так, как хочется, а как велют.

Кисточка оставляет на бумаге алую дорожку. Бужит полосочка через тонкие синие линейки. Мимо, мимо, сквозь... Живая дорожка, куда захотела, туда и бежит, не держат ее чернильные печатные рамки...

— Женечка, ты меня не слушаешь! Женечка! — стучит указка по доске. И дорожка сбегает с листа на стол... — Встань! Мы не рисуем на столе! Что ты здесь все извозил!?

Женечка стоит в коридоре и смотрит, как на маму сыплются непонятные колючие слова:

— Не может фокусировать внимание. Не выполняет задание. Проверьте на наличие аутичного спектра.

Мама пылает:

— Но он же знает все буквы и цифры, все цвета! Мы много занимаемся, читаем! Может, он просто устал сегодня?

И Женечка чувствует, что происходит что-то страшное. Если он им не скажет, как называются эти черточки на бумаге, то мама для него совсем погаснет.

— Мой сын не может быть аутистом, с ним все в порядке! Он поступит в гимназию! У него талант. Евгений! Какая это буква?! — Мама визжит, и Женечка сжимается, упирает подбородок в грудь, но он все равно дрожит. И сочатся слезки из зажмуренных глаз:

— Я плохой! Мама не любит меня плохого!

И рыдает отчаянно, умирая головой, животом, ногами, спиной, каждым пальчиком, каждой ресничкой. И не может стоять. Мама несет его вниз по лестнице и думает о том, что нельзя сдаваться. Нужно больше заниматься. И будет все хорошо.

На крыльце она показывает Женечке букву на железной табличке: «Как называется?». И он знает, что эта буква для мамы сейчас важнее, чем он сам. Обреченно, так, будто навсегда превращается в буквы на железной табличке, Женечка отзывается: «А». И еще там «О», «Л» и «К»... А первая — «Ш»...

Она похожа на подсвечник без ножки. Но маме об этом говорить нельзя.